

Александр ОРЛОВ:

ЭТО – БДЕНИЕ, ЭТО – МОЛИТВА...

Читаешь стихи Олеси Николаевой, словно дышишь наступающей весной, грядущими праздниками, чувствуешь первые греющие солнечные лучи, а почему? Ответ прост! Она поэт мистического света, который призван освещать и очищать, но есть в поэзии Николаевой и ещё одно свойство, редкое и яркое в раскрытии художественной индивидуальности. Это умение вовлечения читателя в сотворённый мир поэта, который душевно притягивает, не отпускает, приглашает остаться навсегда вместе, в унисон жизнеутверждающему глаголу быть. Такое состояние творческой воли заключается в умении внимательно слышать себя и щедро дарить услышанное окружающим. Поэзия Николаевой мне представляется как искусный урок трудоёмкого образования личностного созидательного пространства. Именно поэтому её голос так выделяется среди современников. Она узнаваема по энергии, форме, интонации, образам, лексике, ритму, цельности и ценности. Её система выбора важнейшего из всего многообразия предоставляемого близка к совершенной, и вы можете убедиться в этом, прочитав стихи Олеси Александровны.

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

В России Хронос побеждён,
к пространству пригвождён:
с погодой слит, с рельефом свит
и звёздами блазнит.

Здесь Ленин Сталина дерёт
за рыжие усы.
Здесь Сталин Ленина ведёт,
схвативши под уздцы.

И птица Сирин здесь поёт
невиданной красоты.
И в недрах – Древний Змей живёт,
и в кузнях – кузнецы.

Башмачкин мокрый снег жуёт,
Тряпичкин жжёт чубук.
И Клячкин открывает рот,
да вырубил звук.

Все рядом: там – приказчик пьян.
Ямщик попал в буран.
Святая Ольга жжёт дровлян,
бьёт заяц в барабан.

Бомбист таскает динамит,
язык ломает фрик,
чело Державина томит
напудренный парик.

И стелется туман и дым,
и Врангель входит в Крым.
Прощается славянка с ним,
а я останусь с ним.

Эпох сливаются слои,
хоть в славе, хоть в крови,
где все чужие – как свои,
пускай и визави.

Глядит зелёная звезда,
Земля пред ней, что взвесь,
и говорит, что навсегда
мы вместе будем здесь!

ДО НЕБЕСНОГО ЕРУСАЛИМА

Ты теперь еретик и раскольник.
Перейдя роковую черту,
рассыпаешь мой дактиль, мой дольник,
мой анапест в опальном скиту.

Это – птицам на корм, это – трели
бегства в небо, когда дотемна
лжепророками Иезавели
дух измучен, душа стеснена.

Это – близко последняя битва:
буря, клёкот, биение крыл.
Это – бдение, это – молитва,
это – то же, что ты говорил:

«Проведи меня полем до спуска,
по оврагу и дальше – средь тьмы,
довези до Козельска, до Курска,
до Колязина, до Костромы.

До чертога, плывущего мимо,
где стоят херувимы, грозя.
До небесного Ерусалима...»
Дальше – некуда. Поздно. Нельзя.

ТАНЦУЮЩАЯ ЗОЯ

«Зоя, Зоя, век девичий – краток,
и мечта – пуста, и жизнь – плоха.
Всуе, Зоя, возле танцплощадок
караулишь жениха!..

Серенад здесь не поют испанцы
и колец не дарят под полой,
разве что разок тебя на танцы
кликнет Колька с фиксой удалой».

«Эх, – сказала, – что мне с вашей голой
правдой делать, как не бунтовать?
Буду я с Угодником Николой,
С Чудотворцем буду танцевать!»

В новое и белое оделась,
со стены икону сорвала,
закружилась с нею, завертелась,
в танце поплыла.

И, притопнув, возле шифоньера
встала на мысок – крута, лиха:
«Вот кто мне теперь – за кавалера!
Сам Угодник мне – за жениха!»

И – окаменела вдруг. Икона
у лица. И руки, как крючки.
Сам Святитель смотрит непреклонно
В узкие безумные зрачки.

Чёрная слепая роговица
порывает с этим миром связь.
Вот тебе и праздник, танцовщица, –
дождалась, добилась, дозвалась!..

...Только стук за стенкой спозаранок.
А к полудню – снова тишь да гладь...
Волен Бог желанья самозванок
исполнять!

ЧУДО

Тайный свет внезапно осветил
жизнь мою и куст – лицом ко мне:
нет ли брата у него в раю –
близнеца в божественном огне?

Или Властелин небес, в щепоть
взяв Луну, позолотил огнём?
Или это вдруг меня Господь
помянул во Царствии Своём?...

ТРИ СЕСТРЫ

Три сестры нас было у матери,
три сестры, три пути-дороженьки:
одна – дорога семейная, многотрудная,
другая – дорога узкая, монастырская,
третья – дорога кабацкая, лиходейная.

Три сестры нас было у матери,
три сестры, три огня, три свечечки:
одна свеча – дом озаряющая,
другая свеча – ладаном оплывающая,
третья свеча – волоса опаляющая...

Три сестры нас было у матери,
три сестры, три ростка, три деревца:
одно – древо могучее, вширь растущее,
другое – древо крестное, на ветру поющее,
третье – древо чёрное да бесплодное,
ни ростка не имущее...

Как сойдёмся мы, три сестры, хоронить матушку,
как во гроб тесовый её, родимую,
начнём укладывать,
каждая по своей дороге подойдёт с рыданием,
каждая со своей свечой подойдёт с молитвою.

И одна положит на могилку румяное яблочко,
а другая – освящённый мёд небалованный,
ну а третья – уронит слезу повинную,
землю насквозь прожигающую,
слов не вмещающую...